

Содержание

Андрей Подшибякин

Дорога ярости Романа Сенчина	7
Обратный путь (1991)	13
Остров последнего лета (1992).....	83
В новых реалиях (1993)	96
Кайф (1994)	102
Малая жизнь (1995).....	115
Общий день (1996)	271
Сегодня как завтра (1997).....	301
Прогноз погоды (1998)	318
Жизнь и работа Николая Сергеевича (1999).....	366
Эфир (2000)	378

Дорога ярости Романа Сенчина

Когда режиссер Стивен Содерберг посмотрел фильм «Безумный Макс: Дорога ярости» Джорджа Миллера, он дал по этому поводу сбивчивое интервью изданию “Variety”. Близкая к дословной цитата: «Я не понимаю, как это снято, — а моя работа заключается в том, чтобы понимать, как снимается кино. Я бы не смог снять и полминуты из того, что увидел на экране. Это невозможно».

Я не понимаю, как Роман Сенчин пишет то, что он пишет. Я бы не смог написать и половину страницы из того, что читаю в его книгах. Это невозможно.

Невозможный слух на прямую речь: персонажи Сенчина говорят как живые люди, даже если живыми людьми являются по чисто формальным признакам. Невозможное чувство места: вы находитесь внутри его произведений, а не смотрите на них снаружи. Невозможное чувство писательского ритма: под его прозу хочется размеренно кивать головой (иногда мысленно подкладывая под нее бит группы «Кровосток»). Невозможный талант составить из нескольких деталей огромные

пространства: иногда, как в «Елтышевых», это пространство экзистенциального ужаса; иногда, как в «Зоне затопления», — вязкой предопределенности; иногда, как в «Русской зиме», — осторожной надежды. Или все эти и многие другие пространства одновременно — как в книге, которую вы держите в руках.

Девяностые, о которых написаны эти рассказы, — переходный возраст страны и поколения. У нас ломался голос и кости. Мы просыпались в одной стране, засыпали в другой, а на следующее утро просыпались еще в третьей. День был годом, год был вечностью, вечность была где-то совсем рядом, только руку протяни. Мы творили то, о чем жалко (стыдно, противно, горько, страшно, неловко) вспоминать, но забыть у нас никогда не получится. Волны девяностых одних подняли, других утопили, третьих сначала подняли, а потом утопили — но не нас.

Нас они изрядно помотали. Сделали теми, кто мы есть. Мы — Маугли, выращенные не добрым мультяшным медведем Балу, а натуральными лютыми волками. Мы — обломки эсхатологического кораблекрушения.

Это кораблекрушение в широкоэкранный режим показывает Роман Сенчин в своем новом сборнике.

Я могу сразу сказать, чего в этой книге нет: в ней нет ни одной фальшивой ноты.

Зато в ней есть: ощущение мира, *сдвинувшегося с места*. Розовощекие пухлики, вчера бывшие никем, а сегодня на глазах становящиеся всем. Путешествие в ад каннибалов, как у режиссера Лучио Фульчи, — только намного ближе и как раз с той степенью недосказанности, от которой становится еще страшнее. Ощущение беспомощности перед тектоническими сдвигами реальности, которое может описать только попавший в вытрез-

витель поэт. Путешествие в Сибирский Париж. Вообще много путешествий в странные и *тонкие* места. Точнейшим образом переданное превращение реальности в рынок, где продается и покупается всё в диапазоне от вентиляей для кухонных кранов до человеческих жизней.

Много авторского «я» самого Сенчина — точнее, конечно, его авторского ID. По-настоящему большие писатели, использующие повествование от первого лица, любят расставлять эти ловушки: не надейтесь, вас не пускают к автору в голову. Вас пускают в лучшем случае постоять на пороге и одним глазком заглянуть в дверной проем. И даже это — огромная награда и честь.

Много прикладного искусства: поэзия, театр, музыка — герои этой книги понимают (или знают — это другое), что от скрежета тектонических плит истории рождается важное, гулкое, вечное. Стать частью этого важного действительно очень хотелось, — в девяностые казалось, что мы все можем всё, и нужно только...

Что конкретно для этого нужно, мы не знали.

Постфактум оказалось, что нужно, как безымянный герой фильма «Безумный Макс: Дорога ярости», нестись навстречу апокалипсису с огнедышащей гитарой наперевес. Да, этот путь часто ведет в могилу. Нет, это не самый неприятный из всех возможных исходов.

Самое главное: в этой книге, да, есть предчувствие завтра.

Тогдашнего завтра, не сегодняшнего.

Дорога перед нами кривая и засранная, но мы из чистого упрямства продолжим по ней идти: шаг за шагом, верста за верстой.

Алка дождется с армии.

Начнет что-то получаться на гитаре.

Роман Сенчин

Появятся откуда-нибудь деньги — не такие, на синьку и телок, а серьезные, взрослые.

Грянет долго собиравшаяся гроза.

Разломанный мир снова сложится в более или менее стабильную конфигурацию.

Ненадолго.

Но надолго ничего всё равно не бывает.

Андрей Подшибякин

2023

ДЕВЯНОСТЫЕ

Обратный путь

1

Дембельский поезд ползет сквозь черные еловые леса, мимо покрытых синим льдом озер. Снег с них постоянно сдувает, и так стрёмно гонять на «Буранах» по этому льду во время сработок.

Поезд останавливается на каждой станции.

Названия пока нерусские, смешные и пугающие, как слова из заклинаний мухоморной колдуньи, — Куокканиэми, Хухоямяки, Яккима, Ихала, Элисенваара, Хийтола... Но когда-нибудь в окне появится родное: Приозерск, следом Девяткино, а там... Не надо пока об этом... лучше не думать...

Дембелей мало, ведут себя более-менее — изо всех сил держатся, но все равно заметней всех. То и дело вскакивают с сидений, идут курить, стуча подбитыми сапогами, бряцая знаками. Говорить шепотом просто не могут, сами собой рвутся восклицания, строки песен.

— Покидают карельские края молодцы-пограницы дембеля!..

— А нас ждут девушки, бульвары и кино!..

— Наутро встану, головушка болит, и ничего не сделает товарищ замполит!..

Пассажиры понимающе молчат: случайные люди в таких — медленных, межобластных — поездах редки. А эти навидались и оглушенных страхом неизвестности призывников, и едущих в отпуск, и тех, кто оттрубил свои два года и сейчас сходит с ума от нетерпения выскочить на перрон Финляндского вокзала свободным человеком.

Нет, до свободы еще далековато. Военники у сопровождающего — молодого лейтёхи, — а он сразу, только расположились, куда-то исчез. Боится, наверно, что сейчас напьются солдаты и от души, за всё, что было, что делали с ними шакалы, отоварят.

Да не отоварят. Его даже жалко. Вот через каких-нибудь два часа перед ними откроется огромный, яркий, фантастический мир — гражданка. А он вернется в отряд и будет там гнить.

Но слишком вольно высказывать на перрон рискованно. Все последние месяцы дембеля рассказывали друг другу, как на вокзале дежурят патрули и хватают пьяных или расхристанных и отправляют на губу. Окружную, лютую.

Точных сведений об этом нет — дембельнувшие раньше исчезают, словно их на самом деле и не было никогда, — может, это вообще солдатские байки, страшилки, но помнить об опасности надо.

Поэтому Женька Колосов — для пацанов Джон, Жэка, Кол — и не налегает на портвейн. Делает глоток и ставит стакан под стол, на бортик обогревателя. Обогреватель чуть теплый, в вагоне прохладно, но ему в шинели нормально. Да и осталось ехать уже...

Их в отсеке плацкарты шестеро. Билеты сидячие. Один боец, Даня, сразу, как только загрузились в Сортавале, залез на вторую полку, отвернулся к стене. Может, спит, может, просто ждет. Остальные пятеро облепили стол. Познакомились вчера днем, когда оформляли бумаги в отряде, сдавали обмундирование, получали деньги.

С некоторыми Женька где-то когда-то встречался, но не помнит подробностей. Служба нормального погранца такая: четыре месяца или полгода — кому когда повезло призваться — учебка, а потом полтора года на заставе. Если не заболел настолько серьезно, что нужно в госпиталь, если не выслужил отпуск, если не умер близкий родственник, то все эти полтора года ты можешь торчать на одном клочке земли, выполняя одни и те же дела, видя одних и тех же людей. Хлебовозка — событие, переброситься словом с кем-то из жен офицеров или прапора — любовная интрижка, пополнение — начало новой эры.

Женька провел на заставе девятнадцать с половиной месяцев с единственным — десятидневным — перерывом. Заболел вдруг ветрянкой и был отправлен в госпиталь в Сортавале. Эти десять дней, особенно первые четыре, когда находился совершенно один, еду подавали, будто в тюремной камере, через

окошечко в двери, — вспоминаются как самые лучшие за время службы. Может — счастливые.

Спал сколько хотел, читал книгу за книгой — санитары приносили из библиотеки, даже стихи сочинял. Точнее, тексты песен. Неудачные, правда, потом выкинул...

— Эх-х-х! — протяжно и крепко, словно излишек силы, выдохнул Балтон, хлопнул ладонями по коленям. — Когда ж доползет?..

— Не думай, отвлекись, — советует Гурыч.

— Легко сказать...

Балтон здоровяк, сразу видно, что много времени проторчал в качалке. Он в забавном по всем правилам, и даже с перебором, дембельском наряде, с гирляндой аксельбантов, выгнутыми из-за вшитого внутрь винила, парадными погонами на перекроенном, чтоб тельник видно было до груди, камуфляже, с обработанным бритвочкой шевроном, фура с обрезанным козырьком и вздыбленной почти вертикально тульей; на ногах укороченные и отутюженные кирзачи... Балтона Женька помнил по учебке — сталкивался в столовой, курилке, на плацу. Тогдашний Балтон выглядел щуплым, бестолковым, затюканным. Да и Женька наверняка был таким же.

Потап раза два-три оказывался за рулем хлебозвозки, доставлявшей на заставу не только хлеб, но и всю остальную жратву. А главное — новости из большого мира...

Остальных же — Даню, Гурыча, Ваку — он если и видел где, то мельком. Не выделил, не отметил. Как и они его.